Tolstoy, Leo

Kavkazskii pliennik

Moskva

1886

Reel: 54 Title: 10

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

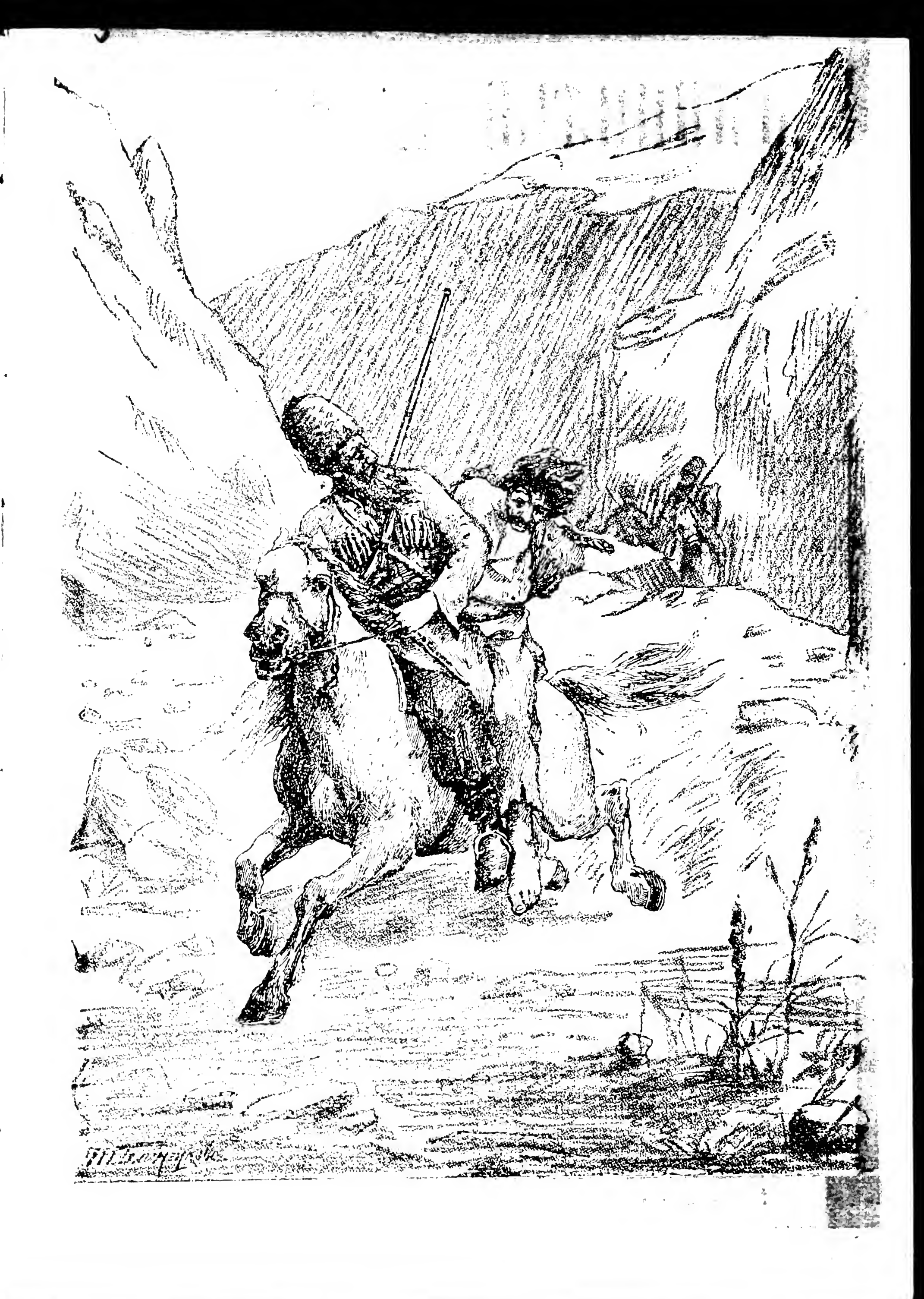
RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00054.10

Control Number: BGO-3176
OCLC Number : 25161493
Call Number : W 381.5917N T588k no. 1
Author : Tolstoy, Leo, graf, 1828-1910.
Title : Kavkazskii pliennik : razskaz / L'va Tolstogo.
Imprint : Moskva : Tip. I.D. Sytina, 1886.
Format : 35 p. ; 17 cm.
Note : Illustrated covers.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: AR

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

РАЗСКАЗЪ

Льва Толстого.

МОСКВА.
Тип. И. Д. Сытина и К⁰. Пятницк. ул. соб. д.
1886.

Изданія книжнаго склада „Посредникъ"

1) Чѣмъ люди живы. Льва Толстого.
2) Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. Его-же.
3) Кавказскій плѣнникъ. Его-же.
4) Два старика. Его-же.
5) Упустишь огонь, не потушишь. Его-же.
6) Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Его-же.
7) Христосъ въ гостяхъ у мужика. Н. С. Лѣскова.
8) Галя. О. И. Шмидтъ.
9) Странникъ.
10) Житіе св. Филарета Милостиваго.
11) Франци́скъ Ассизскій. Е. П. Свѣшниковой.
12) Кривая доля. В. И. Савихина.
13) Сократъ.
14) ДѣдъСофронъ. В. И. Савихина
15) Житіе св. Петра Мытаря.
16) Житіе св. Павлина Ноланскаго.
17) Свѣчка. Льва Толстого.
18) Жерве́за.
19) Братъ на брата.
20) Іоаннъ Воинъ.
21) Царь Крезъ и др. разсказы.

Каждая книжка съ двумя рисунками на обложкѣ.

Приготовляются къ печати другія книжки этого изданія.

КАРТИНЫ:

Духовнаго содержанія.

1. Искушеніе Господа нашего Іисуса Христа.
2. Страданіе Господа нашего Іисуса Христа.

Свѣтскаго содеражнія.

3. Вражье лѣпко, а Божье крѣпко.
4. Два брата и золото.
5. Дѣвчёнки умнѣе стариковъ.
6. Спѣсь.

Каждая картина съ соотвѣтствующимъ изложеніемъ помѣщается на листѣ размѣромъ въ 14×10 вершк.

Приготовляются къ печати другія картины.

Просятъ обращаться съ заказами и за справками непосредственно въ книжный складъ „Посредникъ" (25, Б. Дворянская С.-Пб.) и туда-же адресовать всякую переписку по поводу этихъ изданій.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Марта 1886 г.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

(Быль).

I.

Служилъ на Кавказѣ офицеромъ одинъ баринъ. Звали его Жилинъ.

Пришло ему разъ письмо изъ дома. Пишетъ ему старуха мать: «Стара я ужъ стала, и хочется передъ смертью повидать любимаго сынка. Пріѣзжай со мной проститься, похорони, а тамъ и съ Богомъ поѣзжай опять на службу. А я тебѣ и невѣсту пріискала: и умная, и хорошая, и имѣнье есть. Полюбится тебѣ — можетъ и женишься и совсѣмъ останешься».

Жилинъ и раздумался: «И въ самомъ дѣлѣ: плоха ужъ старуха стала; можетъ и не придется увидать. Поѣхать, а если невѣста хороша—и жениться можно».

Пошелъ онъ къ полковнику, выправилъ отпускъ, простился съ товарищами, поставилъ своимъ солдатамъ четыре ведра водки на прощанье и собрался ѣхать.

На Кавказѣ тогда война была. По дорогамъ ни днемъ, ни ночью не было проѣзда. Чуть кто изъ русскихъ отъѣдетъ или отойдетъ отъ крѣпости, татары или убьютъ, или увезутъ въ горы. И было

заведено, что два раза въ недѣлю изъ крѣпости въ крѣпость ходили провожатые солдаты. Впереди и сзади идутъ солдаты, а въ серединѣ ѣдетъ народъ.

Дѣло было лѣтомъ. Собрались на зорькѣ обозы за крѣпость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дорогѣ. Жилинъ ѣхалъ верхомъ, и телѣга его съ вещами шла въ обозѣ.

Ѣхать было 25 верстъ. Обозъ шелъ тихо; то солдаты остановятся, то въ обозѣ колесо у кого соскочитъ, или лошадь станетъ, и всѣ стоятъ—дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обозъ только половину дороги прошелъ. Пыль, жара, солнце такъ и печетъ, и укрыться негдѣ. Голая степь, ни деревца, ни кустика по дорогѣ

Выѣхалъ Жилинъ впередъ, остановился и ждетъ, пока дойдетъ обозъ. Слышитъ сзади на рожкѣ заиграли,—опять стоятъ. Жилинъ и подумалъ: «А не уѣхать ли одному, безъ солдатъ? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татаръ—ускачу. Или не ѣздить?...»

Остановился, раздумываетъ. И подъѣзжаетъ къ нему на лошади другой офицеръ, Костылинъ, съ ружьемъ, и говоритъ:

— Поѣдемъ, Жилинъ, одни. Мочи нѣтъ, ѣсть хочется, да и жара. На мнѣ рубаху хоть выжми. А Костылинъ мужчина грузный, толстый, весь красный, а потъ съ него такъ и льетъ. Подумалъ Жилинъ и говоритъ:

— А ружье заряжено?

— Заряжено.

— Ну, такъ поѣдемъ. Только уговоръ—не разъѣзжаться.

И поѣхали они впередъ по дорогѣ. Ѣдутъ степью, разговариваютъ да поглядываютъ по сторонамъ. Кругомъ далеко видно.

Только кончилась степь, пошла дорога промежъ двухъ горъ въ ущелье. Жилинъ и говоритъ:

— Надо выѣхать на гору поглядѣть, а то тутъ, пожалуй, выскочатъ изъ-за горы, и не увидишь.

А Костылинъ и говоритъ:

— Что смотрѣть? поѣдемъ впередъ. Жилинъ не послушалъ его

— Нѣтъ, говоритъ, ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустилъ лошадь на лѣво, на гору. Лошадь подъ Жилинымъ была охотницкая (онъ за нее сто рублей заплатилъ въ табунѣ жеребенкомъ, и самъ выѣздилъ); какъ на крыльяхъ взнесла его на кручь. Только выскакалъ, глядь,—а передъ самимъ имъ, на десятину мѣста, стоятъ татары верхами. Человѣкъ тридцать. Онъ увидалъ, сталъ назадъ поворачивать; и татары его увидали, пустились къ нему, сами на скаку выхватываютъ ружья изъ чехловъ. Припустилъ Жилинъ подъ кручь во всѣ лошадиныя ноги, кричитъ Костылину:

— Вынимай ружье и самъ думаетъ на лошадь на свою: «Матушка, вынеси; не зацѣпись ногой, спотыкнешься — пропалъ. Доберусь до ружья, я и самъ не дамся».

А Костылинъ, замѣсто того, чтобы подождать, только увидалъ татаръ,—закатился, что есть духу, къ крѣпости. Плетью ожариваетъ лошадь то съ того бока, то съ другого. Только въ пыли видно, какъ лошадь хвостомъ вертитъ.

Жилинъ видитъ—дѣло плохо. Ружье уѣхало, съ

одной шашкой ничего не сдѣлаешь. Пустилъ онъ лошадь назадъ къ солдатамъ — думалъ уйти. Видитъ, ему на перерѣзъ катятъ шестеро. Подъ нимъ лошадь добрая, а подъ тѣми еще добрѣе, да и на перерѣзъ скачутъ. Сталъ онъ оборачивать, хотѣлъ назадъ поворотить, да ужъ разнеслась лошадь, не удержитъ, прямо на нихъ летитъ. Видитъ — близится къ нему съ красной бородой татаринъ на сѣромъ конѣ. Визжитъ, зубы оскалилъ, ружье на готовѣ.

— Ну, думаетъ Жилинъ, знаю васъ чертей; если живого возьмутъ, посадятъ въ яму, будутъ плетью пороть. Не дамся же живой...

А Жилинъ хоть не великъ ростомъ, да удалъ былъ. Выхватилъ шашку, пустилъ лошадь прямо на краснаго татарина, думаетъ: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь мѣста не доскакалъ Жилинъ; выстрѣлили по немъ сзади изъ ружей и попали въ лошадь. Ударилась лошадь о земь со всего маху, - навалилась Жилину на ногу.

Хотѣлъ онъ подняться, а уже на немъ два татарина вонючіе сидятъ, крутятъ ему назадъ руки. Рванулся онъ, скинулъ съ себя татаръ, — да еще присоскакали съ коней трое на него, начали бить прикладами по головѣ. Помутилось у него въ глазахъ и зашатался. Схватили его татары, сняли съ сѣделъ подпруги запасныя, закрутили ему руки за спину, завязали татарскимъ узломъ, поволокли къ сѣдлу. Шапку съ него сбили, сапоги стащили, все обшарили, деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилинъ на свою лошадь. Она сердечная, какъ упала на бокъ, такъ и лежитъ,

только бьется ногами, а до земли не достаетъ; въ головѣ дыра, а изъ дыры такъ и свищетъ кровь черная,—на аршинъ кругомъ пыль смочила.

Одинъ татаринъ подошелъ къ лошади, сталъ сѣдло снимать. Она все бьется,—онъ вынулъ кинжалъ, прорѣзалъ ей глотку. Засвистѣло изъ горла, трепенулась, и паръ вонъ.

Сняли татары сѣдло, сбрую. Сѣлъ татаринъ съ красной бородой на лошадь, а другіе подсадили Жилина къ нему на сѣдло; а чтобы не упалъ, притянули его ремнемъ за поясъ къ татарину и повезли въ горы.

Сидитъ Жилинъ за татариномъ, покачивается, тычется лицомъ въ вонючую татарскую спину. Только и видитъ передъ собою здоровенную татарскую спину, да шею жилистую,—да бритый затылокъ изъ подъ шапки синѣется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась надъ глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки такъ закручены, что въ ключицѣ ломитъ.

Ѣхали они долго съ горы на гору, переѣхали въ бродъ рѣку, выѣхали на дорогу, и поѣхали лощиной.

Хотѣлъ Жилинъ примѣчать дорогу, куда его везутъ,—да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться; переѣхали еще рѣчку, стали подниматься по каменной горѣ, запахло дымомъ, забрехали собаки, пріѣхали въ аулъ (татарская деревня). Послѣзли съ лошадей татары, собрались ребята татарскіе, окружили Жилина, пищатъ, радуются, стали камнями пулять въ него.

Татаринъ отогналъ ребятъ, снялъ Жилина съ

лошади и кликнулъ работника. Пришелъ ногаецъ, скуластый, въ одной рубахѣ. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказалъ что-то ему татаринъ. Принесъ работникъ колодку: два чурбана дубовыхъ на желѣзныя кольца насажены, и въ одномъ кольцѣ пробойчикъ и замокъ.

Развязали Жилину руки, надѣли колодку и повели въ сарай; толкнули его туда и заперли дверь. Жилинъ упалъ на навозъ. Полежалъ, ощупалъ въ темнотѣ, гдѣ помягче, и легъ.

II.

Почти всю ночь не спалъ Жилинъ. Ночи короткія были. Видитъ—въ щелкѣ свѣтиться стало. Всталъ Жилинъ, раскопалъ щелку побольше, сталъ смотрѣть.

Видна ему изъ щелки дорога—подъ гору идетъ, на право сакля татарская, два дерева подлѣ ней. Собака черная лежитъ на дорогѣ, коза съ козлятами ходитъ—хвостикомъ подергиваетъ. Видитъ— изъ-подъ горы идетъ татарка молоденькая, въ рубахѣ цвѣтной, распоясской, въ штанахъ и сапогахъ, голова кафтаномъ покрыта, а на головѣ большой кувшинъ жестяной съ водой. Идетъ, въ спинѣ подрагиваетъ, перегибается, а за руку татарченка ведетъ бритаго въ одной рубашкѣ. Прошла татарка съ водой въ саклю, вышелъ татаринъ вчерашній съ красной бородой, въ бешметѣ въ шелковомъ, на ремнѣ кинжалъ серебряный, въ башмакахъ на босу ногу. На головѣ шапка высокая, баранья, черная, назадъ заломлена. Вышелъ, потягивается, бородку красную самъ поглаживаетъ. Постоялъ, велѣлъ что-то работнику и пошелъ куда-то.

Проѣхали потомъ на лошадяхъ двое ребятъ въ водопою. У лошадей храпъ мокрый. Выбѣжали еще мальчишки бритые, въ однѣхъ рубашкахъ безъ портокъ, собрались кучкой, подошли къ сараю, взяли хворостинку и суютъ въ щелку. Жилинъ какъ ухнетъ на нихъ: закатились бѣжать прочь,—только колѣнки голыя блестятъ.

А Жилину пить хочется, въ горлѣ пересохло; думаетъ: хоть бы пришли провѣдать. Слышитъ—отпираютъ сарай. Пришелъ красный татаринъ, а съ нимъ другой, поменьше ростомъ, черноватенькій. Глаза черные, свѣтлые, румяный, бородка маленькая, подстрижена; лицо веселое, все смѣется. Одѣтъ черноватый еще лучше: бешметъ шелковый синій, галунчикомъ обшитъ. Кинжалъ на поясѣ большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебромъ обшиты. А на тонкихъ башмачкахъ другіе толстые башмаки. Шапка высокая, бѣлаго барашка.

Красный татаринъ вошелъ, проговорилъ что-то, точно ругается, и сталъ; облокотился на притолку, кинжаломъ пошевеливаетъ, какъ волкъ изъ подлобья косится на Жилина. А черноватый, — быстрый, живой, такъ весь на пружинахъ и ходитъ,—подошелъ прямо къ Жилину, сѣлъ на корточки, оскаливается, потрепалъ его по плечу, что-то началъ часто по своему лопотать, глазами подмигиваетъ, языкомъ прищелкиваетъ, все приговариваетъ: «корошо, урусъ! корошо, урусъ!»

Ничего не понялъ Жилинъ и говоритъ: «пить, воды пить дайте».

Черный смѣется. «Корошъ урусъ», все по своему лопочетъ.

Жилинъ губами и руками показалъ, чтобы пить ему дали.

Черный понялъ, засмѣялся, выглянулъ въ дверь, кликнулъ кого-то: «Дина!»

Прибѣжала дѣвочка—тоненькая, худенькая, лѣтъ тринадцати и лицомъ на черного похожа. Видно, что дочь. Тоже—глаза черные, свѣтлые, и лицомъ красивая. Одѣта въ длинную рубаху, синюю, съ широкими рукавами и безъ пояса. На полахъ, на груди и на рукавахъ оторочено краснымъ. На ногахъ штаны и башмачки, а на башмачкахъ другіе съ высокими каблуками; на шеѣ монисто, все изъ русскихъ полтинниковъ. Голова непокрытая, коса черная, и въ косѣ лента, а на лентѣ привѣшаны бляхи и рубль серебряный.

Велѣлъ ей что-то отецъ. Убѣжала и опять пришла, принесла кувшинчикъ жестяной. Подала воду, сама сѣла на корточки, вся изогнулась такъ, что плечи ниже колѣнъ ушли. Сидитъ, глаза раскрыла, глядитъ на Жилина, какъ онъ пьетъ, — какъ на звѣря дикаго.

Подалъ ей Жилинъ назадъ кувшинъ. Какъ она прыгнетъ прочь, какъ коза дикая. Даже отецъ засмѣялся. Послалъ ее еще куда-то. Она взяла кувшинъ, побѣжала, принесла хлѣба прѣснаго на дощечкѣ круглой, и опять сѣла, изогнулась, глазъ не спускаетъ—смотритъ.

Ушли татары, заперли опять дверь.

Погодя немного, приходитъ къ Жилину ногаецъ и говоритъ:

— Ай-да, хозяинъ, ай-да!

Тоже не знаетъ по-русски. Только понялъ Жилинъ, что велитъ итти куда-то.

Пошелъ Жилинъ съ колодкой, хромаетъ, ступить нельзя, такъ и воротитъ ногу въ сторону. Вышелъ Жилинъ за ногайцемъ. Видитъ—деревня татарская, домовъ десять, и церковь ихняя, съ башенкой. У одного дома стоятъ три лошади въ сѣдлахъ. Мальчишки держатъ въ поводу. Выскочилъ изъ этого дома черноватый татаринъ, замахалъ рукой, чтобъ къ нему шелъ Жилинъ. Самъ смѣется, все говоритъ что то по своему, и ушелъ въ дверь. Пришелъ Жилинъ въ домъ. Горница хорошая, стѣны глиной гладко вымазаны. Къ передней стѣнѣ пуховики пестрые уложены, по бокамъ висятъ ковры дорогіе; на коврахъ ружья, пистолеты, шашки—все въ серебрѣ. Въ одной стѣнѣ печка маленькая вровень съ поломъ. Полъ земляной, чистый, какъ токъ, и весь передній уголъ устланъ войлоками; на войлокахъ ковры, а на коврахъ пуховыя подушки. И на коврахъ въ одниxъ башмакахъ сидятъ татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всѣхъ пуховыя подушки подложены, а передъ ними на круглой дощечкѣ блины просяные, и масло коровье распущено въ чашкѣ, и пиво татарское — буза, въ кувшинчикѣ. Ѣдятъ руками, и руки всѣ въ маслѣ.

Вскочилъ черный, велѣлъ посадить Жилина къ сторонкѣ, не на коверъ, а на голый полъ; залѣзъ опять на коверъ, угощаетъ гостей блинами и бузой. Посадилъ работникъ Жилина на мѣсто, а самъ снялъ верхніе башмаки, поставилъ у двери рядкомъ, гдѣ и другіе башмаки стояли, сѣлъ на войлокъ поближе къ хозяевамъ: смотритъ, какъ они ѣдятъ, слюни утираетъ.

Поѣли татары блины, пришла татарка въ рубахѣ

такой же, какъ и дѣвка, и въ штанахъ; голова платкомъ покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшинъ съ узкимъ носкомъ. Стали мыть руки татары, потомъ сложили руки, сѣли на колѣнки, подули во всѣ стороны и молитвы прочли. Поговорили по своему. Потомъ одинъ изъ гостей татаръ повернулся къ Жилину, сталъ говорить по-русски.

— «Тебя», говоритъ, «взялъ Кази-Мугамедъ», — самъ показываетъ на краснаго татарина, «и отдалъ тебя Абдулъ-Мурату», показываетъ на черноватаго.—«Абдулъ-Муратъ теперь твой хозяинъ».— Жилинъ молчитъ. Заговорилъ Абдулъ-Муратъ, и все показываетъ на Жилина и смѣется, и приговариваетъ: «солдатъ урусъ, корошо, урусъ». Переводчикъ говоритъ: «Онъ тебѣ велитъ домой письмо писать, чтобъ за тебя выкупъ прислали. Какъ пришлютъ деньги, онъ тебя выпуститъ».

Жилинъ подумалъ и говоритъ:—а много ли онъ хочетъ выкупа?

Поговорили татары; переводчикъ и говоритъ:

— Три тысячи монетъ.

— Нѣтъ, говоритъ Жилинъ, я этого заплатить не могу.

Вскочилъ Абдулъ, началъ руками махать, что-то говоритъ Жилину—все думаетъ, что онъ пойметъ. Перевелъ переводчикъ, говоритъ:—Сколько же ты дашь? Жилинъ подумалъ и говоритъ:—500 рублей. Тутъ татары заговорили часто, всѣ вдругъ. Началъ Абдулъ кричать на краснаго, залопоталъ такъ, что слюни изо рта брызжутъ.

А красный только жмурится, да языкомъ пощелкиваетъ.

Замолчали они, переводчикъ и говоритъ:

— Хозяину выкупу мало 500 рублей. Онъ самъ за тебя 200 рублей заплатилъ. Ему Кази-Мугамедъ былъ долженъ. Онъ тебя за долгъ взялъ. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь — въ яму посадятъ, наказывать будутъ плетью.

«Эхъ», думаетъ Жилинъ, «съ ними что робѣть, то хуже». Вскочилъ на ноги и говоритъ:

— А ты ему, скажи, что если онъ меня пугать хочетъ, такъ ни копѣйки жъ не дамъ, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться васъ.

Пересказалъ переводчикъ, опять заговорили всѣ вдругъ.

Долго лопотали, вскочилъ черный, подошелъ къ Жилину:

— Урусъ, говоритъ, джигитъ, джигитъ Урусъ!

Джигитъ по ихнему значитъ «молодецъ». И самъ смѣется: сказалъ что-то переводчику, а переводчикъ говоритъ:

— Тысячу рублей дай.

Жилинъ сталъ на своемъ: — больше 500 рублей не дамъ. А убьете,—ничего не возьмете.

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядываютъ. Пришелъ работникъ и идетъ за нимъ человѣкъ какой-то толстый, босикомъ и ободранный; на ногѣ тоже колодка.

Такъ и ахнулъ Жилинъ,—узналъ Костылина. И его поймали. Посадили ихъ рядомъ; стали они разсказывать другъ другу, а татары молчатъ, смотрятъ. Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ дѣло было; Костылинъ разсказалъ, что лошадь подъ нимъ стала,

и ружье осѣклось, и что этотъ самый Абдулъ нагналъ его и взялъ.

Вскочилъ Абдулъ, показываетъ на Костылина, что-то говоритъ. Перевелъ переводчикъ, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде деньги дастъ, того прежде отпустятъ.

— Вотъ, говоритъ Жилину, ты все серчаешь, а товарищъ твой смирный! онъ написалъ письмо домой, пять тысячъ монетъ пришлютъ. Вотъ его и кормить будутъ хорошо, и обижать не будутъ.

Жилинъ и говоритъ:

— Товарищъ какъ хочетъ; онъ, можетъ, богатъ, а я небогатъ. Я, говоритъ, какъ сказалъ, такъ и будетъ. Хотите—убивайте,— пользы вамъ не будетъ, а больше 500 рублей не напишу.

Помолчали. Вдругъ, какъ вскочилъ Абдулъ, досталъ сундучекъ, вынулъ перо, бумаги лоскутъ и чернила, сунулъ Жилину, хлопнулъ по плечу, показываетъ: «пиши». Согласился на 500 рублей.

— Погоди еще, говоритъ Жилинъ переводчику, скажи ты ему, чтобъ онъ насъ кормилъ хорошо, одѣлъ, обулъ какъ слѣдуетъ, чтобы держалъ вмѣстѣ,— намъ веселѣй будетъ, и чтобы колодку снялъ. Самъ смотритъ на хозяина и смѣется. Смѣется и хозяинъ; выслушалъ и говоритъ:

— Одежду самую лучшую дамъ: и черкеску и сапоги, хоть жениться. Кормить буду, какъ князей. А коли хотятъ жить вмѣстѣ — пускай живутъ въ сараѣ. А колодку нельзя снять — уйдутъ. На ночь только снимать буду. Подскочилъ, треплетъ по плечу,—твоя хорошъ, писалъ,—моя хорошъ!

Написалъ Жилинъ письмо. Отвели Жилина съ Костылинымъ въ сарай, принесли имъ соломы ку-

курузной, воды въ кувшинѣ, хлѣба, двѣ черкески старыя, сапоги истрепанные солдатскіе. Видно—съ убитыхъ солдатъ стащили. На ночь сняли съ нихъ колодки и заперли въ сарай.

III.

Жилъ такъ Жилинъ съ товарищемъ мѣсяцъ цѣлый. Хозяинъ все смѣется.—«Твоя, Иванъ, хорошъ,—моя, Абдулъ, хорошъ». А кормилъ плохо,—только и давалъ, что хлѣбъ прѣсный изъ просяной муки, лепешками печеный, а то и вовсе тѣсто непеченое.

Костылинъ еще разъ писалъ домой, все ждалъ присылки денегъ и скучалъ. По цѣлымъ днямъ сидитъ въ сараѣ и считаетъ дни, когда письмо придетъ, или спитъ. А Жилинъ думаетъ: «Гдѣ матери столько денегъ взять за меня заплатить. И то она тѣмъ больше жила, что я посылалъ ей. Если ей 500 рублей собрать, надо раззориться въ конецъ. Богъ дастъ—и самъ выберусь».

А самъ ходитъ по аулу, насвистываетъ, а то сидитъ, что-нибудь рукодѣльничаетъ: или изъ глины куколъ лѣпитъ, или плететъ плетенки изъ прутьевъ. А Жилинъ на всякое рукодѣлье мастеръ былъ.

Слѣпилъ онъ разъ куклу, съ носомъ, съ руками, съ ногами и въ татарской рубахѣ, и поставилъ куклу на крышу.

Пошли татары за водой. Хозяйская дочь, Динка, увидала куклу, позвала татарокъ. Составили кувшины, смотрятъ, смѣются. Жилинъ снялъ куклу, подаетъ имъ. Онѣ смѣются, а не смѣютъ взять.

Оставилъ онъ куклу, ушелъ въ сарай и смотритъ, что будетъ?

Подбѣжала Дина, оглянулась, схватила куклу и убѣжала.

На утро смотритъ, на зорькѣ Дина вышла на порогъ съ куклой. А куклу ужъ лоскутьями красными убрала и качаетъ, какъ ребенка, сама по своему прибаюкиваетъ. Вышла старуха, забранилась на нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сдѣлалъ Жилинъ другую куклу,—еще лучше,— отдалъ Динѣ. Принесла разъ Дина кувшинчикъ, поставила, сѣла и смотритъ на него, сама смѣется, показываетъ на кувшинъ.

Чего она радуется? думаетъ Жилинъ. Взялъ кувшинъ, сталъ пить. Думалъ вода, а тамъ молоко. Выпилъ онъ молоко, — «хорошо» говоритъ. Какъ взрадуется Дина!

— Хорошо, Иванъ, хорошо!—и вскочила, забила въ ладоши, вырвала кувшинчикъ и убѣжала.

И съ тѣхъ поръ стала она ему каждый день, крадучи, молока носить А то дѣлаютъ татары изъ козьяго молока лепешки сырныя, и сушатъ ихъ на крышахъ,—такъ она эти лепешки ему тайкомъ принашивала. А то, разъ рѣзалъ хозяинъ барана,— такъ она ему кусокъ баранины принесла въ рукавѣ. Броситъ и убѣжитъ.

Была разъ гроза сильная, и дождь часъ цѣлый, какъ изъ ведра лилъ. И помутились всѣ рѣчки. Гдѣ бродъ былъ, тамъ на три аршина вода пошла, камни ворочаетъ. Повсюду ручьи текутъ, гулъ стоитъ по горамъ. Вотъ, какъ прошла гроза, вездѣ по деревнѣ ручьи бѣгутъ. Жилинъ выпросилъ у

хозяина ножикъ, вырѣзалъ валикъ, дощечки, колесо оперилъ, а къ колесу на двухъ концахъ куколъ придѣлалъ.

Принесли ему дѣвочки лоскутковъ,—одѣлъ онъ куколъ: одна — мужикъ, другая — баба; утвердилъ ихъ, поставилъ колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгаютъ.

Собралась вся деревня: мальчишки, дѣвченки, бабы; и татары пришли, языкомъ щелкаютъ:

— Ай, урусъ! ай, Иванъ!

Были у Абдула часы русскіе, сломанные. Позвалъ онъ Жилина, показываетъ, языкомъ щелкаетъ. Жилинъ говоритъ:

— Давай, починю!

Взялъ, разобралъ ножичкомъ, разложилъ; опять сладилъ, отдалъ. Идутъ часы.

Обрадовался хозяинъ. Принесъ ему бешметъ свой старый, весь въ лохмотьяхъ, подарилъ. Нечего дѣлать, взялъ, и то годится покрыться ночью.

Съ тѣхъ поръ прошла про Жилина слава, что онъ мастеръ. Стали къ нему изъ дальнихъ деревень пріѣзжать: кто замокъ на ружье или пистолетъ починить принесетъ, кто часы. Привезъ ему хозяинъ снасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочекъ.

Сталъ Жилинъ немножко понимать по ихнему. И которые татары привыкли къ нему,—когда нужно, кличутъ: Иванъ, Иванъ; а которые - все какъ на звѣря косятся.

Красный татаринъ не любилъ Жилина. Какъ увидитъ, нахмурится и прочь отвернется, либо обругаетъ. Былъ еще у нихъ старикъ. Жилъ онъ не въ аулѣ, а приходилъ изъ-подъ горы. Видалъ его Жилинъ только, когда онъ въ мечеть прихо-

дилъ Богу молиться. Онъ былъ ростомъ маленькій, на шапкѣ у него бѣлое полотенце обматано, бородка и усы подстрижены, — бѣлые, какъ пухъ; а лицо сморщенное и красное, какъ кирпичъ Носъ крючкомъ, какъ у ястреба, а глаза сѣрые, злые, и зубовъ нѣтъ,—только два клыка. Идетъ, бывало, въ чалмѣ своей, костылемъ подпирается, какъ волкъ озирается. Какъ увидитъ Жилина, такъ захрипитъ и отвернется.

Пошелъ разъ Жилинъ подъ гору — посмотрѣть, гдѣ живетъ старикъ. Сошелъ по дорожкѣ, видитъ— садикъ, ограда каменная; изъ-за ограды—черешни, шептала и избушка съ плоской крышей. Подошелъ онъ поближе, видитъ — ульи стоятъ плетеные изъ соломы, и пчелы летаютъ, гудятъ. И старикъ стоитъ на колѣночкахъ, что-то хлопочетъ у улья. Поднялся Жилинъ повыше посмотрѣть и загремѣлъ колодкой. Старикъ оглянулся — какъ визгнетъ; выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, въ Жилина выпалилъ. Чуть успѣлъ онъ за камень притулиться.

Пришелъ старикъ хозяину жаловаться. Позвалъ хозяинъ Жилина, самъ смѣется и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ ты къ старику ходилъ?

— Я, говоритъ, ему худого не сдѣлалъ. Я хотѣлъ посмотрѣть, какъ онъ живетъ. — Передалъ хозяинъ.

А старикъ злится, шипитъ, что-то лопочетъ, клыки свои выставилъ, махаетъ руками на Жилина.

Жилинъ не понялъ всего,—но понялъ, что старикъ велитъ хозяину убить русскихъ, а не держать въ аулѣ. Ушелъ старикъ.

Сталъ Жилинъ спрашивать хозяина: что это за старикъ? Хозяинъ и говоритъ:

— Это большой человѣкъ! Онъ первый джигитъ былъ, онъ много Русскихъ побилъ, богатый былъ. У него было три жены и 8 сыновъ. Всѣ жили въ одной деревнѣ. Пришли русскіе, разорили деревню и семь сыновей убили. Одинъ сынъ остался и передался русскимъ. Старикъ поѣхалъ и самъ передался русскимъ. Пожилъ у нихъ три мѣсяца, нашелъ тамъ своего сына, самъ убилъ его и бѣжалъ. Съ тѣхъ поръ онъ бросилъ воевать, пошелъ въ Мекку Богу молиться. Отъ этого у него чалма. Кто въ Меккѣ былъ, тотъ называется Хаджи и чалму надѣваетъ. Не любитъ онъ вашего брата. Онъ велитъ тебя убить; да мнѣ нельзя убить; я за тебя деньги заплатилъ; да я, тебя, Иванъ, полюбилъ; я тебя не то, что убить, я бы тебя и выпускать не сталъ, кабы слова не далъ. Смѣется, самъ приговариваетъ по-русски: «твоя, Иванъ, хорошъ, — моя, Абдулъ, хорошъ!»

IV.

Прожилъ такъ Жилинъ мѣсяцъ. Днемъ ходитъ по аулу или рукодѣльничаетъ, а какъ ночь придетъ, затихнетъ въ аулѣ, — такъ онъ у себя въ сараѣ копаетъ. Трудно было копать отъ камней, да онъ подпилкомъ камни теръ, и прокопалъ онъ подъ стѣной дыру, что въ пору пролѣзть. «Только бы», думаетъ, «мнѣ мѣсто хорошенько узнать, въ какую сторону итти. Да не сказываютъ никто татары».

Вотъ онъ выбралъ время, какъ хозяинъ уѣхалъ, пошелъ послѣ обѣда за аулъ на гору,—хотѣлъ от-

туда мѣсто высмотрѣть. А когда хозяинъ уѣзжалъ, онъ приказалъ малому за Жилинымъ ходить, съ глазъ его не спускать. Бѣжитъ малый за Жилинымъ, кричитъ:

— Не ходи! отецъ не велѣлъ. Сейчасъ народъ позову!

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Я, говоритъ, далеко не уйду, — только на ту гору поднимусь. Пойдемъ со мной; я съ колодкой не убѣгу, я тебѣ завтра лукъ сдѣлаю и стрѣлы.

Уговорилъ малаго, пошли. Смотрѣть на гору— не далеко, а съ колодкой трудно; шелъ-шелъ, насилу взобрался. Сѣлъ Жилинъ, сталъ мѣсто разглядывать. На полдни за сарай лощина, табунъ ходитъ, и аулъ другой въ низочкѣ виденъ. Отъ аула другая гора—еще круче; а за той горой еще гора. Промежъ горъ лѣсъ синѣется, а тамъ еще горы — все выше и выше поднимаются. А выше всѣхъ, — бѣлыя, какъ сахаръ, горы стоятъ подъ снѣгомъ. И одна снѣговая гора выше другихъ шапкой стоитъ. На восходъ и на закатъ—все такія же горы; кое-гдѣ аулы дымятся въ ущельяхъ. Ну, думаетъ: это все ихняя сторона. Сталъ смотрѣть въ русскую сторону: — подъ ногами рѣчка, аулъ свой, садики кругомъ. На рѣчкѣ, какъ куклы маленькія, видно, — бабы сидятъ, полоскаютъ. За ауломъ пониже гора, и черезъ нее еще двѣ горы, по нимъ лѣсъ; а промежъ двухъ горъ синѣется ровное мѣсто, а на ровномъ мѣстѣ, далеко, далеко, точно дымъ стелется. Сталъ Жилинъ вспоминать, когда онъ въ крѣпости дома жилъ, гдѣ солнце всходило и гдѣ заходило. Видитъ—тамъ точно, въ

этой долинѣ должна быть наша крѣпость. Туда, промежъ этихъ двухъ горъ, и бѣжать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снѣговыя горы изъ бѣлыхъ—алыя; въ черныхъ горахъ потемнѣло: изъ лощинъ паръ поднялся, и самая та долина, гдѣ крѣпость наша должна быть, какъ въ огнѣ загорѣлась отъ заката. Сталъ Жилинъ вглядываться, — маячитъ что-то въ долинѣ, точно дымъ изъ трубъ. И такъ думается ему, что это—самая крѣпость русская.

Ужъ поздно стало. Слышно—мулла прокричалъ. Стадо гонятъ—коровы ревутъ. Малый все зоветъ, «пойдемъ», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну, думаетъ Жилинъ, теперь мѣсто знаю, надо бѣжать». Хотѣлъ онъ бѣжать въ ту же ночь. Ночи были темныя,—ущербъ мѣсяца. На бѣду — къ вечеру вернулись татары. Бывало, пріѣзжаютъ они—гонятъ съ собою скотину и пріѣзжаютъ веселые. А на этотъ разъ ничего не пригнали, а привезли на сѣдлѣ своего убитаго татарина, брата рыжаго. Пріѣхали сердитые, собрались всѣ хоронить. Вышелъ и Жилинъ посмотрѣть. Завернули мертваго въ полотно, безъ гроба, вынесли подъ чинары за деревню, сложили на траву. Пришелъ мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сѣли рядкомъ на пятки передъ мертвымъ.

Спереди мулла, сзади три старика въ чалмахъ рядкомъ, а сзади ихъ еще татары. Сѣли, потупились и молчатъ. Долго молчали. Поднялъ голову мулла и говоритъ:

— «Алла» (значитъ Богъ). Сказалъ это одно слово, и опять потупились, и долго молчали;

сидятъ, не шевелятся. Опять поднялъ голову мулла:

— «Алла!» и всѣ проговорили: «Алла!»—и опять замолчали. Мертвый лежитъ на травѣ, не шелохнется, и они сидятъ какъ мертвые. Не шевельнется ни одинъ. Только слышно, на чинарѣ листочки отъ вѣтерка поварачиваются. Потомъ прочелъ мулла молитву, всѣ встали, подняли мертваго на руки, понесли. Принесли къ ямѣ. Яма вырыта не простая, а подкопана подъ землю, какъ подвалъ. Взяли мертваго подъ мышки да подъ лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидьмя подъ землю, заправили ему руки на животъ.

Притащилъ ногаецъ камышу зеленаго, заклали, камышомъ яму, живо засыпали землей, сравняли, а въ головы къ мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сѣли опять рядкомъ передъ могилой. Долго молчали.

— «Алла! Алла! Алла!» Вздохнули и встали.

Раздалъ рыжій денегъ старикамъ, потомъ всталъ, взялъ плеть, ударилъ себя три раза по лбу и пошелъ домой.

На утро видитъ Жилинъ — ведетъ красный кобылу за деревню, а за нимъ трое татаръ идутъ. Вышли за деревню, снялъ рыжій бешметъ, засучилъ рукава,—ручищи здоровыя, —вынулъ кинжалъ, поточилъ на брускѣ. Задрали татары кобылѣ голову къ верху, подошелъ рыжій, перерѣзалъ глотку, повалилъ кобылу и началъ свѣжевать,—кулачищами шкуру подпарывать. Пришли бабы, дѣвки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потомъ кобылу, стащили въ избу. И вся деревня собралась къ рыжему поминать покойника.

Три дня ѣли кобылу, бузу пили, покойника поминали. Всѣ татары дома были. На четвертый день видитъ Жилинъ, въ обѣдъ куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поѣхали человѣкъ десять, и красный поѣхалъ; только Абдулъ дома остался. Мѣсяцъ только народился, ночи еще темныя были.

— Ну, думаетъ Жилинъ, нынче бѣжать надо, и говоритъ Костылину. А Костылинъ заробѣлъ.

— Да какъ же бѣжать?—мы и дороги не знаемъ.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдемъ въ ночь.

— А не дойдемъ — въ лѣсу переночуемъ. Я вотъ лепешекъ набралъ. Что жъ ты будешь сидѣть? Хорошо пришлютъ денегъ? а то вѣдь и не соберутъ. А татары теперь злые за то, что ихняго русскіе убили. Поговариваютъ — насъ убить хотятъ.

Подумалъ, подумалъ Костылинъ.

— Ну, пойдемъ.

V.

Полѣзъ Жилинъ въ дыру, раскопалъ пошире, чтобъ и Костылину пролѣзть; и сидятъ они,—ждутъ, чтобы затихло въ аулѣ.

Только затихъ народъ въ аулѣ, Жилинъ полѣзъ подъ стѣну, выбрался. Шепчетъ Костылину: «полѣзай». Полѣзъ и Костылинъ, да зацѣпилъ камень ногой, загремѣлъ. А у хозяина сторожка была — пестрая собака, и злая-презлая; звали ее Уляшинъ. Жилинъ уже напередъ прикормилъ ее. Услыхалъ Уляшинъ, забрехалъ и кинулся, а за нимъ другія собаки. Жилинъ чуть свиснулъ, кинулъ лепешки

кусокъ — Уляшинъ узналъ, замахалъ хвостомъ и пересталъ брехать.

Хозяинъ услыхалъ, загайкалъ изъ сакли: «гайть! гайть, Уляшинъ!»...

А Жилинъ за ушами почесываетъ Уляшина. Молчитъ собака, трется ему объ ноги, хвостомъ махаетъ.

Посидѣли они за угломъ. Затихло все, только слышно—овца перхаетъ въ закутѣ, да низомъ вода по камушкамъ шумитъ. Темно, звѣзды высоко стоятъ на небѣ; надъ горой молодой мѣсяцъ закраснѣлся, къ верху рожками заходитъ. Въ лощинахъ туманъ какъ молоко бѣлѣется.

Поднялся Жилинъ, говоритъ товарищу: «ну, братъ, айда!»

Тронулись; только отошли, слышатъ, — запѣлъ мулла на крышѣ: «Алла! Бесмилла! Ильрахманъ!» Значитъ—пойдемъ народъ въ мечеть. Сѣли опять, притаившись подъ стѣнкой. Долго сидѣли, дожидались, пока народъ пройдетъ. Опять затихло.

— «Ну, съ Богомъ!» — Перекрестились, пошли. Прошли черезъ дворъ подъ кручь къ рѣчкѣ, перешли рѣчку, пошли лощиной. Туманъ густой, да низомъ стоитъ, а надъ головой звѣзды виднешеньки. Жилинъ по звѣздамъ примѣчаетъ, въ какую сторону итти. Въ туманѣ свѣжо, итти легко, только сапоги не ловки,—стоптались. Жилинъ снялъ свои, бросилъ, пошелъ босикомъ. Попрыгиваетъ съ камушка на камушекъ, да на звѣзды поглядываетъ. Сталъ Костылинъ отставать.

— Тише, говоритъ, иди; сапоги проклятые—всѣ ноги стерли.

— Да ты сними, легче будетъ.

Пошелъ Костылинъ босикомъ, — еще того хуже; изрѣзалъ всѣ ноги по камнямъ и все отстаетъ. Жилинъ ему говоритъ:

— Ноги обдерешь — заживутъ, а догонятъ — убьютъ, хуже.

Костылинъ ничего не говоритъ, идетъ покряхтываетъ. Шли они низомъ долго. Слышатъ — вправо собаки забрехали. Жилинъ остановился, осмотрѣлся, полѣзъ на гору, руками ощупалъ.

— Эхъ, говоритъ, ошиблись мы, — вправо забрали. Тутъ аулъ чужой, я его съ горы видѣлъ; назадъ надо, да влѣво, въ гору. Тутъ лѣсъ долженъ быть.

А Костылинъ говоритъ:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, — у меня ноги въ крови всѣ.

— Э, братъ, заживутъ; ты легче прыгай. Вотъ, такъ!

И побѣжалъ Жилинъ назадъ, влѣво въ гору, въ лѣсъ. Костылинъ все отстаетъ и охаетъ. Жилинъ шикнетъ-шикнетъ на него, а самъ все идетъ.

Поднялись на гору. Такъ и есть — лѣсъ. Вошли въ лѣсъ, — по колючкамъ изодрали все платье послѣднее. Напали на дорожку въ лѣсу. Идутъ.

«Стой!» Затопало копытами по дорогѣ. Остановились, слушаютъ. Потопало, какъ лошадь, и остановилось. Тронулись они — опять затопало. Они остановятся — и оно остановится. Подползъ Жилинъ, смотритъ на свѣтъ по дорогѣ, — стоитъ что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человѣка не похоже. Фыркнуло — слышитъ. «Что за чудо!» Свиснулъ Жилинъ потихонь-

ку, — какъ шаркнетъ съ дороги въ лѣсъ, и затрещало по лѣсу, — точно буря летитъ, сучья ломаетъ.

Костылинъ такъ и упалъ со страху. А Жилинъ смѣется, говоритъ:

— Это олень. Слышишь — какъ рогами лѣсъ ломитъ? Мы его боимся, а онъ насъ боится.

Пошли дальше. Ужъ висожари спускаться стали, до утра не далеко. А туда ли идутъ, нѣтъ ли, — не знаютъ. Думается такъ Жилину, что по этой самой дорогѣ его везли, и что до своихъ верстъ десять еще будетъ, — а примѣты вѣрной нѣтъ, да и ночь—не разберешь. Вышли на полянку. Костылинъ сѣлъ и говоритъ:

— Какъ хочешь, а я не пойду — у меня ноги не идутъ.

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Нѣтъ, говоритъ, не пойду, не могу.

Разсердился Жилинъ, плюнулъ, обругалъ его.

— Такъ я же одинъ уйду, — прощай!

Костылинъ вскочилъ, пошелъ. Прошли они версты четыре. Туманъ въ лѣсу еще гуще сѣлъ, ничего не видать передъ собой, и звѣзды ужъ чуть видны.

Вдругъ слышитъ — впереди топаетъ лошадь. Слышно — подковами за камни цѣпляется. Легъ Жилинъ на брюхо, сталъ по землѣ слушать.

— Такъ и есть, — сюда къ намъ конный ѣдетъ.

Сбѣжали они съ дороги, сѣли въ кусты и ждутъ. Жилинъ подползъ къ дорогѣ, смотритъ — верховой татаринъ ѣдетъ, корову гонитъ, самъ себѣ подъ носъ мурлычитъ что-то. Проѣхалъ татаринъ. Жилинъ вернулся къ Костылину.

— Ну, пронесъ Богъ, — вставай, пойдемъ.

Сталъ Костылинъ вставать и упалъ.

— Не могу, — ей Богу, не могу; силъ моихъ нѣтъ.

Мужчина грузный, пухлый, запотѣлъ; да какъ обхватило его въ лѣсу туманомъ холоднымъ, да ноги ободраны, — онъ и разсолодѣлъ. Сталъ его Жилинъ силой поднимать. Какъ закричитъ Костылинъ.

— Ой, больно!

Жилинъ такъ и обмеръ.

— Что кричишь? Вѣдь татаринъ близко, — услышитъ. А самъ думаетъ: онъ и въ правду разслабъ: что мнѣ съ нимъ дѣлать? Бросить товарища не годится.

— Ну, говоритъ, вставай, садись на закорки, — снесу, коли ужъ итти не можешь.

Посадилъ на себя Костылина, подхватилъ руками подъ ляжки, вышелъ на дорогу, поволокъ.

— Только, говоритъ, не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину, ноги тоже въ крови, и уморился. Нагнется, подправитъ, подкинетъ, чтобы повыше сидѣлъ на немъ Костылинъ, тащитъ его по дорогѣ.

Видно услыхалъ татаринъ, какъ Костылинъ закричалъ. Слышитъ Жилинъ — ѣдетъ кто-то сзади, кличетъ по своему. Бросился Жилинъ въ кусты. Татаринъ выхватилъ ружье, выпалилъ, — не попалъ, завизжалъ по своему и поскакалъ прочь по дорогѣ.

— Ну, говоритъ Жилинъ, пропали, братъ! Онъ сейчасъ соберетъ татаръ за нами въ погоню.

Коли не уйдемъ версты три — пропали. — А самъ думаетъ на Костылина: и чортъ меня дернулъ колоду эту съ собой брать. Одинъ бы я давно ушелъ.

Костылинъ говоритъ: — Иди одинъ, за что тебѣ изъ-за меня пропадать.

— Нѣтъ, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватилъ опять на плечи, поперъ. Прошелъ онъ такъ съ версту. Все лѣсъ идетъ, и не видать выхода. А туманъ ужъ расходиться сталъ, и какъ будто тучки заходить стали, не видать уже звѣздъ. Измучился Жилинъ.

Пришелъ, у дороги родничекъ камнемъ обдѣланъ. Остановился, ссадилъ Костылина.

— Дай, говоритъ, отдохну, напьюсь. Лепешекъ поѣдимъ. Должно быть недалеко.

Только прилегъ онъ пить, слышитъ — затопало сзади. Опять кинулись вправо, въ кусты, подъ кручь, и легли.

Слышитъ — голоса татарскіе; остановились татары на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они съ дороги свернули. Поговорили, потомъ зауськали, какъ собакъ притравливаютъ. Слышитъ — трещитъ что-то по кустамъ, прямо къ нимъ собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лѣзутъ и татары — тоже чужіе; схватили ихъ, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проѣхали версты три, — встрѣчаетъ ихъ Абдулъ, хозяинъ, съ двумя татарами. Поговорилъ что-то съ татарами, пересадили на своихъ лошадей, повезли въ аулъ.

Абдулъ уже не смѣется и ни слова не говоритъ съ ними.

Привезли на разсвѣтѣ въ аулъ, посадили на улицѣ. Сбѣжались ребята. Камнями, плетками бьютъ ихъ, визжатъ.

Собрались татары въ кружокъ, и старикъ изъ подъ горы пришелъ. Стали говорить. Слышитъ Жилинъ, что судятъ про нихъ, что съ ними дѣлать. Одни говорятъ—надо ихъ дальше въ горы услать, а старикъ говоритъ: «надо убить». Абдулъ споритъ, говоритъ: «я за нихъ деньги отдалъ! я за нихъ выкупъ возьму». А старикъ говоритъ: «ничего они не заплатятъ, только бѣды надѣлаютъ. И грѣхъ русскихъ кормить. Убить,—и кончено».

Разошлись. Подошелъ хозяинъ къ Жилину, сталъ ему говорить:

— Если, говоритъ, мнѣ не пришлютъ за васъ выкупъ, я чрезъ двѣ недѣли васъ запорю. А если затѣешь опять бѣжать—я тебя какъ собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши.

Принесли имъ бумаги, написали они письма. Набили на нихъ колодки, отвели за мечеть. Тамъ яма была аршинъ пяти,—и спустили ихъ въ эту яму.

VI.

Житье имъ стало совсѣмъ дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свѣтъ. Кидали имъ туда тѣсто непеченое, какъ собакамъ, да въ кувшинѣ воду спускали. Вонь въ ямѣ, духота, мокрота. Костылинъ совсѣмъ разболѣлся, распухъ, и ломота во всемъ тѣлѣ стала: и все стонетъ или спитъ. И Жилинъ пріуныль, видитъ — дѣло плохо. И не знаетъ, какъ выбраться.

Началъ онъ было подкапываться, да землю некуда кидать: увидалъ хозяинъ, пригрозилъ убить.

Сидитъ онъ разъ въ ямѣ на корточкахъ, думаетъ объ вольномъ житьѣ, и скучно ему. Вдругъ прямо ему на колѣни лепешка упала; другая и черешни посыпались. Поглядѣлъ къ верху,— а тамъ Дина. Поглядѣла на него, посмѣялась и убѣжала. Жилинъ думаетъ: «не поможетъ-ли Дина?»

Расчистилъ онъ въ ямѣ мѣстечко, наковырялъ глины, сталъ лѣпить куколъ. Надѣлалъ людей, лошадей, собакъ, думаетъ: «какъ придетъ Дина, брошу ей».

Только—на другой день нѣтъ Дины, а слышитъ Жилинъ — затопали лошади, проѣхали какіе-то и собрались татары у мечети, спорятъ, кричатъ и поминаютъ про русскихъ. И слышитъ голосъ старика. Хорошенько не разобралъ онъ, а догадывается, что русскіе близко подошли,— и боятся татары, какъ бы въ аулъ не зашли, и не знаютъ, что съ плѣнными дѣлать.

Поговорили и ушли. Вдругъ слышитъ — зашуршало что-то на верху. Видитъ: Дина присѣла на корточки, колѣнки выше головы торчатъ, свѣсилась, монисты висятъ, болтаются надъ ямой. Глазенки такъ и блестятъ какъ звѣздочки. Вынула изъ рукава двѣ сырныя лепешки, бросила ему. Жилинъ взялъ и говоритъ: — Что давно не бывала? А я тебѣ игрушекъ надѣлалъ. На, вотъ! Сталъ ей швырять по одной. А она головой мотаетъ, не смотритъ. «Не надо», говоритъ. Помолчала, посидѣла и говоритъ: «Иванъ! тебя убить хотятъ». Сама себѣ рукой на шею показываетъ.

— Кто убить хочетъ?

— Отецъ,— ему старики велятъ. А мнѣ тебя жалко.

Жилинъ и говоритъ:

— А коли тебѣ меня жалко, такъ ты мнѣ палку длинную принеси.

Она головой мотаетъ, что нельзя. Онъ сложилъ руки, молится ей:

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

— Нельзя, говоритъ, увидятъ всѣ дома, и ушла.

Вотъ сидитъ вечеромъ Жилинъ и думаетъ: «что будетъ?» Все поглядываетъ вверхъ. Звѣзды видны, а мѣсяцъ еще не всходилъ. Мулла прокричалъ, затихло все. Сталъ ужъ Жилинъ дремать, думаетъ: «побоится дѣвка».

Вдругъ на голову ему глина посыпалась; взглянулъ кверху — шестъ длинный въ тотъ край ямы тыкается. Потыкался, спускаться сталъ, ползетъ въ яму. Обрадовался Жилинъ, схватилъ рукой, спустилъ; шестъ здоровый. Онъ еще прежде этотъ шестъ на хозяйской крышѣ видѣлъ.

Поглядѣлъ вверхъ,—звѣзды высоко на небѣ блестятъ, и надъ самой ямой, какъ у кошки, у Дины глаза въ темнотѣ свѣтятся. Нагнулась она лицомъ на край ямы и шепчетъ:

— Иванъ, Иванъ! А сама руками у лица все машетъ, что «тише молъ».

— Что? говоритъ Жилинъ.

— Уѣхали всѣ, только двое дома.

Жилинъ и говоритъ:

— Ну, Костылинъ, пойдемъ, попытаемся послѣдній разъ; я тебя подсажу.

Костылинъ и слушать не хочетъ.

— Нѣтъ, говоритъ, ужъ мнѣ видно отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и повороти́ться силъ нѣтъ?

— Ну, такъ прощай,—не поминай лихомъ. Поцѣловался съ Костылинымъ.

Ухватился за шестъ, велѣлъ Динѣ держать, полѣзъ. Раза два онъ обрывался, — колодка мѣшала. Поддержалъ его Костылинъ,—выбрался кое-какъ наверхъ. Дина его тянетъ рученками за рубаху изо всѣхъ силъ, сама смѣется.

Взялъ Жилинъ шестъ и говоритъ:

— Снеси на мѣсто — Дина, а то хватятся, — прибьютъ тебя.

Потащила она шестъ, а Жилинъ подъ гору пошелъ. Слѣзъ подъ кручь, взялъ камень вострый, сталъ замокъ съ колодки выворачивать. А замокъ крѣпкій,—никакъ не собьетъ, да и не ловко. Слышитъ, — бѣжитъ кто-то съ горы, легко попрыгиваетъ. Думаетъ: «вѣрно опять Дина». Прибѣжала Дина, взяла камень и говоритъ:

— Дай, я!

Сѣла на колѣночки, начала выворачивать. Да рученки тонкія какъ прутики,—ничего силы нѣтъ. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилинъ за замокъ, а Дина сѣла подлѣ него на корточкахъ, за плечо его держитъ. Оглянулся Жилинъ, видитъ — на лѣво за горой зарево красное загорѣлось, мѣсяцъ встаетъ. «Ну, думаетъ, до мѣсяца надо лощину пройти, до лѣсу добраться». Поднялся, бросилъ камень. Хоть въ колодкѣ—да надо итти.

— Прощай, говоритъ, Динушка. Вѣкъ тебя помнить буду.

Ухватилась за него Дина, шаритъ по немъ руками, ищетъ—куда бы лепешки ему засунуть. Взялъ онъ лепешки.

— Спасибо, говоритъ, умница. Кто тебѣ безъ меня куколокъ дѣлать будетъ? И погладилъ ее по головѣ.

Какъ заплачетъ Дина,—закрылась руками, побѣжала на гору, какъ козочка прыгаетъ. Только въ темнотѣ слышно — монисты въ косѣ по спинѣ побрякиваютъ.

Перекрестился Жилинъ, подхватилъ рукой замокъ на колодкѣ, чтобы не бренчалъ, пошелъ по дорогѣ, — ногу волочитъ, а самъ все на зарево поглядываетъ, гдѣ мѣсяцъ встаетъ. Дорогу онъ узналъ. Прямикомъ итти верстъ восемь. Только бы до лѣсу дойти прежде, чѣмъ мѣсяцъ совсѣмъ выйдетъ. Перешелъ онъ рѣчку, побѣлѣлъ уже свѣтъ за горой. Пошелъ лощиной, идетъ, самъ поглядываетъ: не видать еще мѣсяца. Уже зарево посвѣтлѣло, и съ одной стороны лощины все свѣтлѣе и свѣтлѣе становится. Ползетъ подъ гору тѣнь, все къ нему приближается.

Идетъ Жилинъ, все тѣни держится. Онъ спѣшитъ, а мѣсяцъ еще скорѣе выбирается; ужъ и направо засвѣтились макушки. Сталъ подходить къ лѣсу, выбрался мѣсяцъ изъ-за горъ, - бѣло, свѣтло совсѣмъ, какъ днемъ. На деревахъ всѣ листочки видны. Тихо, свѣтло по горамъ, какъ вымерло все. Только слышно—внизу рѣчка журчитъ.

Дошелъ до лѣсу, — никто не попался. Выбралъ Жилинъ мѣстечко въ лѣсу потемнѣе, сѣлъ отдыхать.

Отдохнулъ, лепешку съѣлъ. Нашелъ камень, принялся опять колодку сбивать. Всѣ руки избилъ, а не сбилъ. Поднялся, пошелъ по дорогѣ. Прошелъ съ версту, выбился изъ силъ,—ноги ломитъ. Сту-

пить шаговъ десять и остановится. «Нечего дѣлать», думаетъ, «буду тащиться пока сила есть. А если сѣсть, такъ и не встану. До крѣпости мнѣ не дойти; а какъ разсвѣтетъ, лягу въ лѣсу, передню́ю, а ночью опять пойду».

Всю ночь шелъ. Только попались два татарина верхами, да Жилинъ издалека ихъ услыхалъ, схоронился за дерево.

Ужъ сталъ мѣсяцъ блѣднѣть, роса пала, близко къ свѣту, а Жилинъ до края лѣса не дошелъ. — «Ну, думаетъ, еще тридцать шаговъ пройду, сверну въ лѣсъ и сяду». Прошелъ 30 шаговъ, видитъ — лѣсъ кончается. Вышелъ на край — совсѣмъ свѣтло; какъ на ладонкѣ предъ нимъ степь и крѣпость, а на лѣво, близехонько подъ горой, огни горятъ, тухнутъ, дымъ стелется и люди у костровъ.

Вглядѣлся — видитъ: ружья блестятъ, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилинъ, собрался съ послѣдними силами, пошелъ подъ гору. А самъ думаетъ: «Избави Богъ, тутъ, въ чистомъ полѣ, увидитъ конный татаринъ: хоть близко, а не уйдешь».

Только подумалъ — глядь: На лѣво, на бугрѣ стоятъ трое татаръ, десятины на двѣ. Увидали его, — пустились къ нему. Такъ сердце у него и оборвалось. Замахалъ руками, закричалъ, что было духу, своимъ:

— Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши, — выскочили казаки верховые. Пустились къ нему—на перерѣзъ татарамъ.

Казакамъ далеко, а татарамъ близко. Да ужъ и Жилинъ собрался съ послѣдней силой, подхватилъ

рукой колодку, бѣжитъ къ казакамъ, а самъ себя не помнитъ, крестится и кричитъ:

— Братцы! братцы! братцы!

Казаковъ человѣкъ 15-ть было.

Испугались татары, — не доѣзжаючи стали останавливаться.

И подбѣжалъ Жилинъ къ казакамъ.

Окружили его казаки, спрашиваютъ: «кто онъ, что за человѣкъ, откуда?» А Жилинъ самъ себя не помнитъ, плачетъ и приговариваетъ:

— Братцы! Братцы!

Выбѣжали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлѣба, кто каши, кто водки: кто шинелью прикрываетъ, кто колодку разбиваетъ.

Узнали его офицеры, повезли въ крѣпость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались къ Жилину.

Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ все дѣло было, и говоритъ:

— Вотъ и домой съѣздилъ, женился! Нѣтъ, ужъ видно не судьба моя.

И остался служить на Кавказѣ. А Костылина только еще черезъ мѣсяцъ выкупили за пять тысячъ, еле живого привезли.

КОНЕЦЪ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ „ПОСРЕДНИКА“.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ книжномъ складѣ „Посредникъ“, Большая Дворянская, д. № 25, Петербургская сторона. (Главный складъ, контора и редакція).

ВЪ МОСКВѢ: 1) У книгопродавца И. Д. Сытина и К⁰, у Ильинскихъ воротъ, д. Медынцевой, и на Никольской, д. гр. Орлова-Давыдова. 2) Въ редакціи журнала „Русская Мысль“, Леонтьевскій пер.

ВЪ КОСТРОМѢ: У учителя Городскаго училища Евгенія Миліевича Микифорова.

ВЪ ПЕНЗѢ: Въ книжномъ магазинѣ В. Н. Алексѣева.

ВЪ КУРСКѢ: Въ книжномъ магазинѣ А. В. Перепелетенко, и въ книжномъ магазинѣ Кашкина.

ВЪ САМАРѢ: Въ книжномъ магазинѣ Н. М. Ѳедорова.

ВЪ САРАТОВѢ: Въ Приволжской книжной торговлѣ Т. Е. Чернова, Никольская улица.

ВЪ КІЕВѢ: Въ Кіевскомъ военно-книжномъ магазинѣ.

ВЪ ХАРЬКОВѢ: Въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, коммиссіонеровъ Государственной Типографіи, Московская улица, домъ Императорскаго Харьковскаго Университета, № 7.

ВЪ ОКНѢ (Подольской губ.). У князя Анатолія Евгеніевича Гагарина.

ВЪ НОВОЧЕРКАСКѢ: Въ магазинѣ Н. И. Рѣдичкина, Платовскій проспектъ, домъ Болдыревой.

ВЪ ТОМСКѢ: Въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, коммиссіонеровъ Государственной Типорафіи.

